

Через заиндевевшее окно автобуса-"девятки" проявлялись, как на фотобумаге, темные разводы мичуринских усадеб, поселковые дома, избы. Было тихо и не по-зимнему тепло. Пищали синицы, где-то совсем близко лаяли собаки. Приглушенно, наверное, в стайке басом наяривал петушок. Вот так предстала предо мной деревня Черепаново. История здешних мест проста и сурова. Где-то в тысяча шестисотых годах забредали сюда охотники-промысловики. За ними шли переселенцы, исследователи. Давали имена речкам и ручьям-замухрышкам. Первые жители возвели свои убогие охотничьи заимки. Позднее упрямые чалдоны подняли брусчатую часовню, вслед за ней длиннющие приземистые амбары, из толстенных лиственных бревен, распустив пополам, возводили двухэтажные хоромы и ставили на бугре. Гора, где вырубались вековые деревья, и поныне зовется "лиственной". Всякий, кто берется описывать эти края, обрекает себя на умолчание, подтасовку фактов. Ведь истина забывается из-за протяженности, равной лишь одной человеческой жизни. Я всегда стою над дилеммой: или следовать архивной правде, или вольно толковать ушедшие прошлые времена. Придется лучше пройти по воспоминаниям самих героев моего очерка. Ну, что ж, начнем...

НА АВТОБУСНОЙ остановке познакомился с приземистым широкоплечим дедом Дмитрием Михайловичем Жигулиным. Он, оказалось, ездил на шахту "Краснокаменскую" выписывать уголь. Сходил в отдел кадров, потом в бухгалтерию, оттуда в отдел снабжения. Обещали привезти со скидкой в 50 процентов как ветерану войны. Родился Дмитрий Михайлович в селе Черепаново в 1923 году. По его стариковскому выражению - "из ограды не выходил, только на войну сходил, да избушка была другая на этом месте".

- Отец приехал сюда в восьмом году, - неспешно начал Дмитрий Михайлович. - Еще когда возвращался с русско-японской войны, посмотрелся на вольные сибирские земли. Подговорил двух товарищей, подготовил: "Там сеют пшеницу, кукурузу, просо, овес и даже гречку. Не мы первые едем. Кто поселился раньше, а такие нашлись и у нас на Тамбовщине, уже ставли селянскими хозяевами. Как переселенцы, будем освобождены от податей, налогов и повинностей". Словом, двинулись через Екатеринбург - Новониколаевск - Кольчугино. Здесь железная дорога кончилась. Далее поехали, купив коней по деревням, где примут работных людей. В селе Черепаново остановились. И, как оказалось, навсегда. На новом месте родились пятеро детей. Иван и Николай погибли в Отечественную, но похоронок на них не было. На запрос отца военкомат ответил, что они пропали без вести в августе во время летне-осенней кампании под Белгородом. Мать прожила недолго, померла от тифа, тут и похоронена.

ЖИГУЛИН Дмитрий Михайлович

- Старая деревня расположилась там, на горе, - продолжает мой новый знакомец. - А тут, где мы живем, были заимки, это еще до революции. Если стариков послушать, три века этому селу. Речка наша называется Калзагайка, она берет начало где-то у железнодорожного насыпи Красного Камня. В 29-м деревню начали раскулачивать. Справных, крепких хозяев стали высылать. Видя это, многие начали уезжать в другие места, в другие деревни. На речку Крутиху потянулись Скударновы, Тихоновы, Черепановы, организовав колхоз "Пчелка". Покатили на лохматых крестьянских лошаденках на речку Горелая (ведь и зимой речушка не замерзала, как будто били горячие ключи); здесь построив бараки, организовали коммуну "Искра".

У нас было две лошади, коровы, овцы. Никаких машин не было, раскулачивание нас не коснулось. Но ведь и коллективного хозяйства так и не создали. Раннее образованные колхозы отрезали себе земли по самые черепановские огороды. Это Кутоново,

ПРИСЯДЬ, ПРОХОЖИЙ, И ПОДУМАЙ:

МАЛА ЭТА ДЕРЕВНЯ, НО ВЕЛИКА СИБИРЬ

Сергеевка, "Пчелка", "Пятилетка". Нашему хозяйству земли не досталось. Инвентарь собрали, скотину обобществили, но никто работать не хочет, каждый хочет быть бригадиром, учетчиком, председателем или, на худой конец, счетоводом. Скотина орет, кормить нечем, пришлось опять разобрать по дворам. Так колхоза не стало. А под хмельную руку уполномоченским коням сунули скипидару под хвост. Те как понесли! И выкинули с развален организаторов колхоза, что они даже руки поотмораживали.

В армию меня призвали 4 октября 1941 года. Стояли мы в Афонино. Штаб, кажется, был в клубе шахты № 5. Здесь формировался 841-й стрелковый полк 237 сибирской дивизии. Помню, Мурашко был начальником штаба, а Бутанов командиром батальона. Обучали пользоваться винтовками СВТ, противотанковыми ружьями ПТР, пулеметами Дегтярева. В марте 1942 года приближился Воронежский фронт. Боевые действия для меня начались 12 января 1943 года. В наступлении давали нам булку хлеба на двоих, суп гороховый, кашу пшеничную, сухари, сахар. Водку не брал, не курил - отдавал пожилым. Помню число, когда меня ранило - 20 февраля 43-го. Рано утром, еще туманчик стоял - пошли в атаку. Тут мина как охнет! Казах, что шел от меня слева, упал, как подкошенный, а меня сильно посеколо осколками. Второй раз ранило 6 августа на Курской дуге. Цветет гречиха, тепло, опять мы в атаке. Пуля прошла навылет от правого плеча через грудь, задев легкие. Ребята подбежали, перевязали. После лечения в госпитале - "годен к нестроевой" и в хозяйственный взвод. Войну закончил в городе Бунцлау. Там на городской площади большой памятник фельдмаршалу Кутузову, в музее койка его адъютанта, личное оружие полководца, героя Отечественной войны 1812 года. Демобилизовался в 47-м, в апреле. Дома родители-бедолаги войну пережили, выстояли. Бедность из всех углов. У отца была ручная мельница. Кто из сельских или из соседних деревень приносил пшеницу, ячмень, он смелет. Себе оставлял чашечку, сделанную из консервной банки. Так и жили. Спиртзаводы Новокузнецка, Барнаула, Мариинска содержали шахтенку-штольню "Красный Кузбасс". Так устроился я туда экспедитором. Шахта эта была ближе к Октябрьке. Интересная деталь - те, кто погрузкой занимались, тем платили спиртом, а кто непосредственно уголь добывал, спирт не получали.

Вот так наш разговор доходит до дней сегодняшних.

- Просвети, как жить. Речь ведь не о том, какая форма собственности будет - колхозы с совхозами или их фермеры потеснят, есть более сокровенное, отчего напрямую зависит жизнь. В конце концов, мы, действительно, не хуже прочих народов, и талантов не занимать, и живую душу сумели сохранить. Пора бы оглянуться, куда мы идем, - на склоне лет своих тревожился Дмитрий Михайлович Жигулин.

МАЛИКОВЫ живут почти в конце улицы Социалистической. Конуса разреза закрыли весь горизонт и хорошего-то заката не увидишь. Всякое дело трудно начать, а после пойдет, побежит, покатится. Дед Степан Акимович Маликов живет в Черепаново с 30-го года. И потек наш разговор о событиях, давно минувших.

- Мой отец из деревни Зубково Карасукского района, а мать с Украины (во время гражданской войны они переехали в Сибирь от тамошней разрухи и голода). У моих родителей родились 14 детей.

Я один живуч оказался. В 30-е годы отец приехал сюда "киселя хлебать". Сразу же отправился на строительство железной дороги. На "железке" его чем-то придавило, он так и не оправился от травмы - умер. А как не стало отца, мать-одиночка ходила подрабатывать по домам, а я занимался в подпаски.

МАЛИКОВ Степан Акимович

Путевку в жизнь я получил на фронте. Первые бои приняли под деревнями Ломово, Озерки, Каменка в 1942 году, в июле. Юго-восточнее Ломово немцы были остановлены - 42 немецких танка, около 2 тысяч вражеских солдат и офицеров были уничтожены. Таков итог трехдневных боев сибирских полков.

Я служил ординарцем у командира роты, когда меня в октябре сорок второго ранило. Часовой, помню, помог вынуть осколок из руки, перевязал.

Помню, как в сентябре 43-го переправлялись на правый берег Днепра. Каждый бой, в котором участвовал, оставил если не рубец, то отметину в сердце. Постепенно она зарубцевалась, но совсем не исчезла.

После взятия Киева мы обмывали медали, полученные вечером от командира полка, - еще новенькие, не потускневшие "За отвагу", "За боевые заслуги". А потом, опрокинув пару-другую "лафитников", пели песни про то, как били врага за синий платочек, про то, как горел огонек, провожая бойца, про землянку, где горят поленья, и смола - как слеза.

ИДУ ПО заваленной снегом улице. Вот калиточка одна хлопает, скрипит на ветру, как бы приглашая войти. Встречает меня Екатерина Степановна Акулова - такая легонькая, сухонькая, энергичная бабуся. Из ее низенького окна открывается кусочек улицы с ветлами, метет поземка. Временами, преодолевая сопротивление ветра, проходят соседи, пробегают с запуздыренными куртками ребятки. Екатерина Степановна подолгу провожает их взглядом, пока позволяет проем окна, зябко кутаясь в платок, пытается представить, что так засуетились соседи. Нет предела радости Екатерины Степановны. И нескончаемо крутится веретено ее памяти.

- Всяко жили. И как могли, отстаивали эту свою жизнь, - бесхитростно начинает она. - В деревне Черепаново было несколько шахтенок, уголь добывали артелью, продавали в другие деревни, себя топили. Тем и жили. Возвращались с тяжелых работ мужья и братья. А в семье не укор, а ласку, всепрощенье, любовь жен и сестер находили.